

УДК 82:316.3

ПЛАН МЕСТНОСТИ: ЛИТЕРАТУРА КАК ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Абашев Владимир Васильевич
 профессор кафедры русской литературы
 Пермский государственный университет
 Пермь, ул. Букирева, 15, ауд.11. vv_abashev@mail.ru

Фирсова Анастасия Владимировна
 ассистент кафедры русской литературы
 Пермский государственный университет
 Пермь, ул. Борчанинова, 15-23. firssowa@mail.ru

Статья посвящена проблемам прагматики литературы. Выявлена и описана одна из ее прагматических функций – картирование пространства. Связывая сюжет и персонажей произведения с реальным местом, писатель по-новому структурирует его, сообщает месту новую персоналогию и событийность. Нередки случаи, когда подобное произведение существенно повышает привлекательность территории. У читателей появляется желание увидеть своими глазами те места, где жили персонажи и разворачивались описанные события. Литературное произведение используется тогда как карта местности, путеводитель. В таких случаях произведение инициирует широкий спектр социальных практик: от многообразных форм мемориализации следов литературной памяти до индустрии путешествий по литературным местам. В статье представлен сопутствующий такому – картирующему – восприятию прецедентного текста процесс его переструктуриации.

Ключевые слова: прагматика литературы; литературная карта; литературное место; прецедентный текст.

Тут ничего не поделаешь – я должен
 осознать план местности
 и как бы отпечатать себя на нем.

Владимир Набоков

1.

Взаимодействие литературного текста и географического пространства с начала 1990-х гг. остается одной из актуальных и чрезвычайно увлекательных тем отечественного литературоведения. Сегодня, когда литература все теснее взаимодействует с различными социальными практиками, нарастает потребность в изучении аспектов прагматики текста: его бытования, связи с потребителем, функционирования в социальном поле. А в отношении текста и места ярко проявляется как раз действенный, порой почти демиургический, потенциал литературы. Это как раз тот случай, когда «Words Do Things». Связывая сюжет, события и персонажей произведения с реальным местом, описывая его виды и детали, писатель изменяет само место. Он по-новому структурирует его, наделяет новыми

смыслами, сообщает месту новую персоналогию и событийность.

Тем самым художественное произведение существенно повышает привлекательность территории. У читателя появляется желание увидеть своими глазами те места, где жили персонажи и разворачивались события, описанные в увлекательном произведении. Понятно, что литературный текст конструирует идеальное символическое пространство, но, попадая в место-прототип, читатель пользуется художественным произведением инструментально, как своего рода путеводителем.

В подобных случаях особенно отчетливо проявляется один из специфических аспектов прагматики литературного произведения – его картирующая функция. Как известно, прагматика литературы охватывает область отношений автора и текста с читателем. В недавней отечественной традиции эта область частично входила в сферу интересов так называемого историко-функционального подхода. В центре внимания этого направления в общем стояли вопросы о видах и формах бытования литературного произ-

ведения в обществе. Но главным образом отечественные «функционалисты» занимались изучением исторической изменчивости восприятия и интерпретации текста¹.

Если же речь идет о произведениях с ярко выраженной картирующей функцией, то здесь читатель не ограничивается «пассивным» восприятием текста. Он становится субъектом широкого спектра социальных практик: от краеведческой работы, многообразных форм музеефикации следов литературной памяти до культуры путешествий по литературным местам. Использование литературных текстов в качестве путеводителей – одна из важнейших форм социального «потребления» произведения. В современном мире, с его развитой индустрией туризма и глобализацией маркетингового мышления, картирующая функция литературного текста становится особенно востребованной. Она-то и станет предметом нашего внимания в настоящей статье. Мы попытаемся выявить теоретические основания и проблемы изучения литературных произведений в их картографическом аспекте.

Внимание к картирующим возможностям литературы в последние годы явно возросло. Достаточно вспомнить ряд современных литературоведческих исследований, выполненных в не совсем обычных жанрах путеводителя, литературной прогулки, путевых записок и обращенных не только к специалистам, но и к более широкому кругу читателей. Появление книг Г.Смирнова «Скотопригоньевск и Старая Русса» (2001), Л.Видгофа «Москва Мандельштама. Книга-экскурсия» (2006), Г.Кунцевской «Благословенная Таврида» (2008), А.Сергеевой-Клятис и В.Смолицкого «Москва Пастернака» (2009), В.Абашева «Путешествие с доктором Живаго» (2010) и некоторых других изданий того же рода кажется нам симптоматичным². На наших глазах складывается относительно новый аспект изучения литературных произведений³.

Художественное произведение изучается здесь как своего рода документ, источник, который допускает проекцию текста в реальное географическое и урбанистическое пространство. Пространственные образы текста совмещаются с физическими реалиями. Итогом исследования становится своего рода литературная карта местности, которая извлекается из текста, а также «легенда карты» или «ключ» к чтению произведения как путеводителя. Результаты подобных исследований находят практическое применение, они востребованы активно развивающейся индустрией экскурсий и путешествий.

2.

Прежде всего, уточним, насколько правомерно в отношении описаний географического пространства в художественном тексте использовать термин карта, если брать его в точном картографическом смысле. Конечно, в общем плане структурное и функциональное сходство литературной вербальной и картографической моделей пространства, каковой является карта, достаточно очевидно. И в том и в другом случае мы имеем дело с образом и схемой пространства, его моделью. Но при более близком сравнении литературного описания и карты на первый план выступают, скорее, существенные отличия. Если карта дает сплошной образ территории, то литературное описание всегда дискретно. Описываются лишь отдельные участки пространства, отношения между которыми подчиняются не метрическим законам, а смысловым. Далее. Если графика карты стремится максимально точно отразить метрику территории и в ценностно-смысловом отношении она нейтральна, то элементы литературной карты неразрывно связаны с сюжетными ситуациями, персонажами, они эмоционально окрашены и аксиологически значимы.

Поэтому в строгом смысле литературные описания пространства следовало бы уподобить другой, неклассической, картографической модели. Не карте, а *картоиду*. В отличие от карт, картоиды не строго следуют метрике. Они призваны создавать обобщенные образы территории, «чтобы наглядно выразить какую-то идею, для которой картоид служит пространственной структурной формулой»⁴. Для картоида важно подобие не метрическое, а смысловое. Подчеркнем, что в отличие от традиционной карты, в идеале безличной, для картоида, как и для литературного произведения, релевантна категория авторства. Картоид призван наглядно выразить размышления автора о картируемом пространстве – например, прогноз урбанистического или рекреационного развития территории.

Таким образом, говоря строго, термин картоид более адекватен модели пространства в литературном произведении. Но, понимая это, мы, тем не менее, предпочитаем использовать традиционный термин карта. Во-первых, он общеизвестен. Во-вторых, именно благодаря общеупотребительности он приобрел ту многозначность и гибкость, благодаря которой легко переносится в самые разные сферы человеческой деятельности и опыта. Иначе говоря, в общекультурном плане термин карта часто употребляется как раз в том значении, которое в рамках географии закреплено за термином картоид.

3.

Наиболее очевидным образом функция литературного картирования местности реализуется в литературе путешествий. Путевые очерки, как точно заметил один из исследователей, «оставаясь фактом литературы, стремятся покинуть литературу как особую форму человеческой деятельности, обособленную от реальной жизни» [Гуминский 1987: 141].

Остановимся на «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина⁵. На наш взгляд, картирующая функция литературного текста здесь представлена особенно наглядно. Используя выражение В.М.Гуминского, «Письма русского путешественника» можно было бы назвать классическим примером «путешествия в бумажных очках» [Гуминский 1987: 147]. Европа воспринимается Карамзиным сквозь призму прочитанных литературных текстов, и они служат для него путеводителем и картой. Главными событиями путешествия становятся встречи с авторами и книгами. Прочитанные книги определяют маршрут путешествия. В каждом пункте Карамзин находит своего «гения места». Дерпт воспринимается как родной город Ленца. Кенигсберг отмечен встречей с Кантом. В Берлине путешественник беседует со стариком Рамлером – «немецким Горацием», с Морицем – педагогом, автором романа «Антон Райзер»; посещает королевскую библиотеку и гарнизонную церковь, в которой вспоминает судьбу Клейста. Ляйпциг для путешественника – университетский центр, книжная ярмарка и город Геллерта: «В Вендлеровом саду видел я Геллертов монумент, ... вспомнил я счастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библиотеку...» [Карамзин 1982: 102]. В Веймаре героя интересуют встречи с Виландом, Гердером, Гете: «Здесь ли Виланд? Здесь ли Гердер? Здесь ли Гете?» – «Здесь, здесь, здесь». [Карамзин 1982: 116].

Далее герой приближается к Альпам – главной цели своего путешествия. И здесь, в Швейцарии, у Женевского озера, гидом «русского путешественника» становится Ж.Ж.Руссо, а роман «Новая Элоиза» – путеводителем и картой местности. Этот сюжет занимает несколько глав повествования и демонстрирует поэтапное «вхождение» героя в пространство, освященное литературным произведением. На первом этапе мы отметим предвкушение встречи текста и места. Текст романа хорошо знаком путешественнику, иными словами, «карта места» изучена: «В пять часов поутру вышел я из Лозанны с весельем в сердце – и с Руссовою “Элоизою” в руках. Вы, конечно, угадаете цель сего путешествия. Так, друзья мои! Я хотел видеть собственными глаза-

ми те прекрасные места, в которых бессмертный Руссо поселил своих романтических любовников» [Карамзин 1982: 219]. Затем герой ищет визуального сходства, т.е. ориентируется в пространстве по тексту, находит нужный ракурс, сверяет с источником и рефлектирует по поводу ощущений от «совпадения» подлинного и художественного пространства: «Вы можете иметь понятие о чувствах, произведенных во мне сими предметами, зная, как я люблю Руссо и с каким удовольствием читал с вами его “Элоизу”! ... Все описания его так живы и притом так верны!» [Карамзин 1982: 220]. Далее герой «проживает» или «встраивает» литературный сюжет в местность: «В девять часов был я уже в Веве и, остановясь под тенью каштановых деревьев гульбища, смотрел на каменные утесы Мельери, с которых отчаянный Сен-Прё хотел низвергнуться в озеро и откуда писал он к Юлии» [Карамзин 1982: 219].

Примечательно, что Карамзин анализирует процесс создания литературного места. В сносках он дает историко-биографическую справку о том, как произошел выбор именно этой местности и как Руссо реконструировал данный ландшафт по памяти. Подтверждая и подчеркивая несомненность созданной Руссо новой реальности места, Карамзин ссылается на местных жителей. Они не только усвоили литературную легенду своего местожительства, знают «Новую Элоизу» и «весьма довольны тем, что великий Руссо прославил их родину, сделав ее сценою своего романа» [Карамзин 1982: 222], но и продолжают ее развивать. Остров Петра, замечает Карамзин, «называют ныне по большей части Руссовым» [Карамзин 1982: 261]. В итоге, благодаря писателю, окрестности Женевского озера, прекрасные сами по себе в их природной данности, преобразуются, приобретают новый, природно-культурный, статус. И – необходимо подчеркнуть – в дальнейшем их существование во многом определяется влиянием как романа, так и биографии его автора. С последней трети XVIII в. Швейцария становится новым местом паломничества для просвещенной публики. «В XVI и XVII столетиях английская культурная элита не включала Швейцарию в маршрут образовательных путешествий, – замечает один из лучших на сегодня знатоков культурной истории Швейцарии. – Именно благодаря роману <...> толпы паломников из всех стран Европы отправляются в Швейцарию – вслед за Руссо к местам действия “Новой Элоизы”» [Шишкин 2008: 241]. Ну, а тем самым, роман Руссо изменил экономическое бытие Швейцарии: путешественники стали не последним источником благополучия страны.

4.

Описание прогулок «русского путешественника» в окрестностях Женевского озера с томиком Руссо делает предельно наглядным процесс возникновения того феномена, который мы определяем как литературное место.

Происходит следующее. Образ места, созданный в популярном романе, проецируется читателями на реальное место и, по существу, сливается с ним. Синтез воображаемой и физической реальностей создает новый объект – литературное место. И оно становится доступным восприятию не только для читателей романа. Благодаря разнообразным вторичным производным текстам (путевые очерки, путеводители, биографическая литература) литературное место начинает самостоятельную жизнь в культуре.

Место уже несвободно от своего художественного образа, и новый путешественник продолжает начатую в культуре рефлексию. Хороший пример тому – стихотворение П.Вяземского «Рябина». У Вяземского история Руссо становится объектом иронии и поводом осмыслить русский лирический сюжет. Эмблемой «русского» на берегу Женевского озера является рябина, увиденная в литературном месте, созданном «Новой Элоизой». Рябина выпадает из смыслового контекста, навязываемого литературным местом, оказывается кодом другой традиции:

Тобой, красивая рябина,
Тобой, наш русский виноград,
Меня потешила чужбина,
И я землячке милой рад.
Забыв и озера картину,
И снежный пояс темных гор,
В тебя, родную мне рябину,
Впился мой ненасытный взор.
Потомка новой Элоизы
В сей романтической земле,
Забываясь о хозяйстве мызы,
Или по-здешнему – шале,
Своим Жан-Жаком они бредят,
Свой скотный двор и сыр любя, –
Плохая ключница не цедит
Она наливки из тебя.
[Вяземский 1958: 322]

Подобные примеры восприятия места под впечатлением прочитанного произведения мы встречаем в текстах путешествий конца XVIII – начала XIX вв. Популярность жанра в данный период была обусловлена жадной страноведческих знаний. Как отмечает составитель сборника «Ландшафт моих воображений», «путешествия раздвигали идейный горизонт, приобщали к истории человечества и культуре» [Коровин 1990: 19]. Одним из объектов рефлексии становилось литературное место, именно в таком ключе вос-

принималось место жизни популярного писателя, посещение его самого или паломничество к его могиле, путешествие к ландшафту, запечатленному в литературном произведении, или по маршрутам предшествующей литературы «путешествий». Такие произведения целиком строились на историческом диалоге по одному и тому же поводу, а поводом становилось исторически и географически реальное пространство, отмеченное литературой. Неизменно раскрытая книга (русская, французская, немецкая, английская) в руках путешественника – это своеобразный путеводитель, по которому сверяется точность маршрута или подтверждается верность описания.

Так П.Шаликов, отправляясь в путешествие по Малороссии, в качестве постоянного собеседника имеет при себе книгу Карамзина. Некоторые главы его книги предстают как калька с «Писем русского путешественника». Глава «Буря» у Шаликова совпадает с эпизодом поломки кибитки под Нарвой у Карамзина. Любуясь природой, герой читает стихи французских поэтов, да и сама Малороссия воспринимается сквозь художественный образ Швейцарии, герой ищет в ней приметы ландшафта для сентиментального сюжета: «Имея некоторую живость воображения, чувствительность сердца, можно ли не знать Швейцарии... Кто не читал Новой Элоизы и Писем русского путешественника? Я читал, помню и часто делаю сравнения по одному воображению» [Шаликов 1990: 555]. В малороссийском путешествии Шаликова особенно красноречив эпизод посещения Полтавы. В этом историческом месте текстом-путеводителем и текстом-картой для него становится «Путешествие в полуденную Россию» В.В.Измайлова: «Сев на горе, по которой протягивается город Полтава, я читал в путешествии Измайлова сравнение Карла XII с Петром Великим – читал с живейшим чувством, нежели прежде, при виде таких предметов, которые воспламеняли счастливое его воображение» [там же: 539]. Чтение текста предшественника сопровождается сопоставлением описаний местности с их непосредственной данностью – «подлинником». При этом именно совершенный синтез текста и места оказывается источником насыщенных переживаний: «сличал описание сих самих предметов с подлинником и радовался точности его – сия эспланада, распещеренная речками, лесочками, крестьянскими и господскими домиками; сей монастырь, гордо возвышающийся на высоком холме, занимали несколько часов глаза и душу мою с таким удовольствием, которого – не могу выразить» [там же].

Таким образом, даже наш беглый анализ традиции путешествий наглядно выявляет одну из функций литературных произведений в их социально-историческом бытовании – функцию картирования местности. Далее мы увидим, что эта функция характерна не только для травелогов.

5.

В том аспекте социально-исторического бытования литературы, который мы определяем как картографический, наиболее показательны случаи, когда литературное произведение не имея (в отличие от травелога) задачи быть картой местности, становится ею. Использование Карамзиным романа Руссо в качестве путеводителя по окрестностям Женевского озера – характерный тому пример. Такую роль сыграл, например, «Улисс» Дж.Джойса для Дублина, «Мастер и Маргарита» М.Булгакова для Москвы, «Преступление и наказание» Достоевского для Петербурга, «Евгений Онегин» А.Пушкина для Тригорского и Михайловского, «Доктор Живаго» Б.Пастернака для Перми, «Два капитана» В.Каверина для Пскова и т.д.

Именно в этих случаях возникают феномены сложной природно-культурной реальности – Москва Булгакова, Петербург Достоевского, Урал Пастернака. Эти продукты взаимодействия текста и места в процессе функционирования литературного произведения начинают восприниматься как самостоятельная, обособленная и от исходного текста, и от физического пространства реальность. Они сами по себе становятся предметами исследовательского внимания и, что следует подчеркнуть, социальных интересов.

В некоторых случаях эта воображаемая, в сущности, реальность настолько ярка, убедительна и увлекательна, что настоятельно требует буквальной материализации – вещественной инсталляции в физическое пространство. Так на карте Лондона появляется квартира Шерлока Холмса на Бейкер Стрит, на мостовые Дублина наносится маршрут блужданий Стивена Дедала, в Вероне находят типичный средневековый дом, к которому достраивают балкон Джульетты, в Севилье вблизи старинной арены для боя быков возводят памятники героям новеллы Проспера Мериме, а булгаковский дом на Садово-Кудринской 10 и Патриаршие пруды постепенно обрастают плотной средой мемориальных объектов, материализующих образы знаменитого романа.

Во всех подобных случаях происходит своего рода переструктуризация сложных и многосоставных художественных миров великих романов. Из всего многообразия их образной ткани вычленяется и акцентируется преимущественно один ас-

пект – изображение места. Этот аспект выдвигается на первый план, укрупняется, становится доминантой и своего рода представителем сложного художественного целого произведения, его целостного события. Одновременно пространственный аспект текста проецируется на реальное место, детали текста отождествляются с реалиями места. В итоге мы имеем дело уже с неким новым текстом синкретической природы – булгаковской Москвой, Петербургом Достоевского или пастернаковской Пермью. Конечно, этот новый текст уже не связан с каким-то единственным произведением. В сформировавшееся литературное место проецируются целостный образ автора и образ его творчества.

В процессе переструктуризации прецедентного текста важную роль играют, условно говоря, разного рода производные тексты, благодаря которым из произведения вычленяется его пространственный слой. Прежде всего, это краеведческие и литературоведческие работы, посвященные изучению пространственных реалий произведения. В свою очередь, исследовательские тексты дают основу для текстов прагматического инструментального характера – путеводителей, карт, описаний экскурсионных маршрутов и т.п. Одновременно идет процесс музеефикации литературных мест: появляются мемориальные доски, открываются литературные музеи, восстанавливаются утраченные объекты, устанавливаются памятники писателям и литературным героям.

В итоге воображаемое пространство текста, его художественный мир вещественно «отпечатываются» на местности. Место текстуализируется. Невольными со-авторами этого синкретического природно-культурного текста оказываются многочисленные акторы процесса переструктуризации прецедентного текста: литературоведы, краеведы, авторы путеводителей, экскурсоводы, туроператоры – все, кто оформляет новый культурный феномен и вводит его в социальное обращение. Так литература включается в производство впечатлений – самого востребованного продукта новой экономики [Пайн, Гилмор 2005]. Сложный, многосоставный и многосубъектный процесс производства и обращения литературных мест является, на наш взгляд, одним из важных объектов современной прагматики литературы.

Возрастающее внимание к прагматике литературы отражает реалии современности. Трудно не замечать, что и российская словесность сегодня значительно более плотно, чем ранее, встроена в сеть не только общих социальных, но и специфически экономических отношений. Маркетинговое мышление пронизывает все сфе-

ры общественной и культурной жизни, а литература – не изолированный остров. В том аспекте литературной прагматики, который мы здесь рассматриваем, влияние маркетинговых факторов вполне очевидно. Миллионы людей перемещаются по миру в поисках впечатлений. Они нуждаются в авторитетных указаниях: куда им ехать, что смотреть и что видеть в том, на что они смотрят. Для них создается громадная литература путеводительного характера. И одним из источников этой служебной литературы является беллетристика – описания местностей и городов в художественных произведениях. Без ссылок на них не обходится ни один guide-book. Бурное развитие индустрии путешествий, с одной стороны, культ локального своеобразия и амбиции местных администраций – с другой, повышают «спрос» и на современные, и на классические произведения с картографическим началом.

¹ См., например: Русская литература в историко-функциональном освещении: сб.ст. отв. ред. Н.В.Осьмаков. М.: Наука, 1979, 303 с.; Вопросы функционального изучения литературы: сб.научн.тр. под ред. Н.С.Травушкина, Волгоград: ВГПИ, 1982, 131 с.; Функциональные аспекты изучения и преподавания литературы: сб.научн.тр. под ред. Н.С.Травушкина. Волгоград: ВГПИ, 1983, 136 с.

² Список подобных работ можно продолжить: Богатырева С.И., Селезнева Е.В. Литературная карта России. Приглашение к путешествию. М., 2006., Коллодный Л.Е. Москва в улицах и лицах. М., 2005, Ваксман С.И. Путеводитель по Юртыну. Пермь, 2005, Гладышев В.Ф. Чехов и Пермь. Легенда о трех сестрах. Пермь, 2008. Сами авторы по-разному определяют жанр своих исследований: «карта мемориальных музеев», которые связаны с литературой и поэтому о них нужно «говорить литературой» [Богатырева 2006:10]; «книга-экскурсия», которая понимается как жанр, пограничный между искусством и наукой, и «очень подходит для рассказа о поэте-горожанине» [Видгоф 2006: 16]; путешествие, где главным становится «союз текста и места», он «вызывает к жизни новую реальность – неосязаемую, но несомненную реальность символического мира» [Абашев 2010: 3].

³ Об относительности новизны этого подхода мы говорим, поскольку он формируется в русле богатой отечественной традиции *геокультурологических* исследований. В ее основании лежат классические труды 1910-20-х гг. И.М.Гревса, Н.К.Пиксанова, Н.П.Анциферова. Мощное развитие эта традиция получила в работах ученых тартусско-московской семиотической школы о Петербурге и «петербургском тексте» русской литературы: В.Н.Топорова, Ю.М.Лотмана, Вяч.Вс.Иванова. Третья волна в движении этого направления относится к 1990-м гг. и связана с развитием, с одной стороны, региональных исследований (А.Н.Давыдов, К.В.Анисимов, В.В.Абашев, И.А.Разумова, А.А.Литягин, А.В.Тарабукина и др.), с другой – со становлением отечественной культурной географии (Д.Н.Замятин,

Н.Ю.Замятина, И.А.Митин, О.А.Лавренова, Б.Б.Родоман). Новизна упомянутых работ состоит в том, что акцент в них делается на прагматическом исследовании литературного произведения.

⁴ Родоман Б.Б. Географические картоиды с множественной интерпретацией // *Hermeneutics in Russia*. 1998. Vol.1. P.2. <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1998-1/1998-1-28.pdf>. Для разъяснения понятия приведем дополнительные выдержки из статьи Б.Б.Родомана. Использование картоидов, как утверждает исследователь, получило развитие, прежде всего, в теоретической географии. Картоиды преодолели «противоречие между стремлением географических наук к обобщениям и чрезмерной конкретностью географических карт», они свободны «от традиционных правил картографии». Авторы картоидов «могут совсем не связывать себя <...> метрикой; <...> идут на любое искажение форм и размеров, чтобы наглядно выразить какую-то идею, для которой картоид служит пространственной структурной формулой. Картоид может вовсе не иметь масштаба и географических координат, подчиняться им лишь в одном избранном направлении <...> Однако <...> картоиды <...> сохраняют два признака традиционных карт: наглядность и характер изобразительных средств». Картоиды «способны изображать не только реальные, но и идеальные объекты; отражать не только сущее, но и должное, желательное, вероятное, возможное; выражать, таким образом, проекты и прогнозы».

⁵ «Письма» не раз становились объектом литературоведческого анализа, упомянем лишь некоторые исследования: Сиповский В.В. Карамзин – автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899; Макагоненко Г.П. Жизнь и творчество Н.М.Карамзина. М., 1941; Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983; Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987; Лотман М.Ю., Успенский Б.А. «Письма» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987; Гуминский В.М. Открытие мира или Путешествия и странники. М., 1987;

⁶ В России понятие «литературный туризм» еще не вошло в язык туроператоров, хотя в Москве и Петербурге проводятся экскурсии по литературным местам («Петербург Достоевского», «Петербург Пушкина» и т.п.). Однако стоит заметить, что в понятие «литературный туризм» турагентствами Европы включаются более развернутый спектр мероприятий. Литературный турист принимает участие в семинарах, чтениях, слушает лекции литературоведов. На туроператоре лежит обязанность не только обеспечить людей проживанием и трансфертом, но и организовать эти литературные симпозиумы, ради которых люди отправляются в литературный тур. В России такой вид путешествий пока не практикуется // www.astpress-shkola.ru.

Список литературы

Абашев В.В. Путешествие с доктором Живаго: Борис Пастернак в Пермском крае. СПб.: Изд-во Маматов, 2010. 98 с.

Богатырева С.И. Селезнева Е.В. Литературная карта России: Приглашение к путешествию. М.: Собрание, 2006. 237 с.

Видгоф Л.М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия. М.: ОГИ, 2006. 480 с.

Вяземский П. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1958. 508 с.

Гуминский В.М. Открытие мира или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 429 с.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1982. 608 с.

Коровин В.И. «Наслаждающееся размышление самого себя» // Ландшафт моих воображений. М.: Современник, 1990. С.5-28.

Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды: сб. трудов. Смоленск: Ойкумена, 2007. 368 с.

Пайн Д., Гилмор Д. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. М.: Вильямс, 2005. 303 с.

Шаликов П. Путешествие в Малороссию // Ландшафт моих воображений. М.: Современник, 1990. С.516-570.

Шишкин М. Как сделан рай. Отрывок из книги «Монтре-Миссолонги-Астапово. По следам Байрона и Толстого. Литературная прогулка от Женевского озера в Бернские Альпы» // Иностранная литература, 2008, №7. С.237-258.

SITE SKETCH: LITERATURE AS A GUIDE-BOOK

Vladimir V. Abashev

**Professor of Russian Literature Department
Perm State University**

Anastasija V. Firsova

**Assistant of Russian Literature Department
Perm State University**

The article is dedicated to the problems of pragmatics of literature. We have educed one of literature's pragmatic functions: contouring space. We have studied cases when a literary work is used as a guide-book, a map of the region. Connecting the plot and characters to a real place, the writer re-structures and communicates its new characters and an imaginary history. Such literary works often enhance considerably the attractiveness of a territory. The readers acquire a desire to visit the places "inhabited" by literary characters. In these cases a literary work triggers the emergence of new social practices: from different forms of commemorating the literary traces to the tourist industry. The article presents the process of re-structuring of a pretext in the contouring perception of the readers.

Key words: pragmatics of literature; literary map; literary place; pretext.